

лой Э. Бернштейна «конечная цель – ничто, движение – всё!». Но великие победы, одержанные отечественной высшей школой, сами по себе, самотеком не приходят. Они являются продуктом длительной и целенаправленной деятельности, в которой решающую роль играет государство в лице его высших властей.

Исследуя русско-немецкие связи, автор изучил архивы девяти крупных германских университетов. Бесспорно, интересное и нужное исследование, особенно для немцев. Но ответа на вопрос о природе русских

университетов автор не найдет, перекопав все западные архивы. Его пространные рассуждения о доклассической, классической и постклассической моделях, которые отражали этапы эволюции западного университета, вовсе не исключают того, что в России «приспособили» накопленную на Западе университетскую культуру к реалиям и потребностям русской жизни, *«утвердив на прочных основах православия, самодержавия и народности»*. На этом стояла, стоит и, наверно, будет стоять отечественная школа.

**А.Ю. АНДРЕЕВ, профессор
МГУ им. М.В. Ломоносова**

За прошедшие несколько лет в периодических изданиях появился ряд статей по истории высшего образования в России, принадлежащих группе авторов – ректоров московских и региональных вузов (Московский государственный открытый педагогический университет им. М.А. Шолохова, Ростовский государственный университет путей сообщения, Саратовский государственный социально-экономический университет, Академия труда и социальных отношений). Коллективом авторов во главе с профессором Е.В. Олесеевым подготовлено также несколько книг и учебных пособий по данной теме [1].

В этих работах авторы объявляют о создании новой концепции истории отечественных университетов. Ее суть состоит в попытке противопоставить «русскую модель образования» и развитие западноевропейских университетов, доказать, что высшая школа России прошла свой особый путь, принципиально отличающийся от западного и имеющий над последним несомненное превосходство. При этом человеком, который ввел данную концепцию в современную науку, авторы называют Президента РФ В.В. Путина: «Введенное

О «новом прочтении» истории российских университетов

В.В. Путиным в научный оборот понятие русской модели образования схватывает суть явления в целом и во всех трёх сферах бытия – прошлом, настоящем и будущем, что не удавалось никому прежде, и содержится в свернутом виде современную концепцию отечественной высшей школы» [2, с.158–159]. (Правомерность такого обращения авторов с наследием президента будет оценена ниже.)

Отстаивая свое «новое прочтение», авторы пытаются решительно опровергнуть существующую историографию. В частности, негативную реакцию у них вызывают общепризнанные работы историков, писавших в 1980–90-е гг. по истории высшего образования в Российской империи (А.Е. Иванова, Р.Г. Эймонтовой, Г.И. Щетининой), а также выпущенное НИИ высшего образования научно-справочное пособие «Высшее образование в России. Очерк истории до 1917 года». Авторы полагают: «Общим признаком данных работ, как, впрочем, и многих других на данную тему, является категорическое неприятие государства как гаранта школы... Особенность принятой методологии состоит в том, что авторы сознательно (и неправоммерно) игнорируют глав-

ный фактор развития, а именно высший государственный разум, соединенный с политической волей... Пора разобраться в логике, а может быть, клинике данного парадокса в отечественной историографии, противоречащего и здравому смыслу, и национальным традициям, и самому укладу русской жизни» [3].

Удивление вызывает то, что столь серьезный пересмотр результатов прежних исследований об университетах Российской империи не сопровождается анализом каких-либо неизвестных ранее исторических источников и архивными разысканиями. Чтобы доказать новую концепцию, авторам кажется достаточным оперировать с объемом давно и хорошо известных фактов, почерпнутых из самых общих работ по истории дореволюционных университетов. К ним относится часто цитируемая ими книга С.В. Рождественского «Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения» (СПб., 1902). В статьях отсутствуют упоминания о современных проблемных исследованиях по истории дореволюционных университетов [4] и, что совсем удивительно, ни разу не назван фундаментальный труд последнего времени на эту тему, синтезирующий достижения современной историографии, – четырехтомная монография Ф.А. Петрова «Формирование системы университетского образования в России» (М., 2002–2003).

Создается впечатление, что авторов интересует прежде всего идеологическая интерпретация уже известных фактов, а не их конкретно-историческое содержание. Хорошее представление об уровне теоретических обобщений, предложенных авторами, дает само определение ими «русской модели» университета:

«Речь идет о формировании особого, русского типа университета, подчеркнем, государственного по принадлежности университета, отличающегося целым рядом особых признаков, неизвестных Западу. Среди них – богатая научная насыщенность учебных планов и программ, высокая духовность и гражданственность, наконец, способность

на коллективный подвиг в экстремальных условиях, что и породило такие уникальные признаки отечественной высшей школы, как неизбывная внутренняя энергетика и жизнестойкость. Некоторые ученые склонны видеть в этом влияние тысячелетнего православия на Руси с его этикой, соборностью, общинностью, идеей коллективного спасения» [5, с. 37].

Таким образом, вместо того чтобы указать конкретные особенности внутренней и внешней организации университета, его отношений с обществом и государством, учебного процесса, норм допуска студентов, академической аттестации и т.д., авторы для описания признаков «русской модели» используют такие общие категории, как «внутренняя энергетика и жизнестойкость», «общинность» и «соборность».

Желание за обилием размытых и нечетких формулировок уйти от конкретного анализа в указанных работах не случайно. Оно скрывает множество исторических ошибок, возникающих при попытках представить известные факты в «новом прочтении».

Так, вопреки всей существующей историографии (в частности, упомянутой книге Ф.А. Петрова) авторы относят формирование системы российских университетов не к началу XIX, а к началу XVIII в., называя ее творцом Петра I, который якобы «адаптировал подготовленный по его заказу Лейбницем университетский проект» [6, с. 230]. Роль Лейбница как «первого наставника для русской высшей школы» авторами всячески подчеркивается: в другой статье они пишут, что Лейбниц осознанно «писал проект государственного университета для православной России» [7, с. 62]. При этом там же авторы сетуют на то, что опубликованная переписка Лейбница еще ждет своего исследователя и даже не переведена на русский язык.

Возможно, именно последнее и помешало авторам познакомиться с текстами записок Лейбница к Петру I, которые хорошо известны и изучены историками как у нас в стране, так и за рубежом [8]. Из этих материалов можно узнать, что Лейб-

ниц не создавал никакого университетского проекта для Петра I. Во всем наследии немецкого философа не обнаружено никакого развернутого проекта организации университета. Это неудивительно, поскольку Лейбниц в течение своей жизни являлся критиком его устройства, развивая и поддерживая конкурирующие формы объединения ученых – Академии наук. Упоминание же о возможности открыть в России университеты наряду с гимназиями и кадетскими корпусами входило в его масштабный проект Ученой Коллегии – центрального научно-образовательного центра нового российского государства. Создавая этот проект, Лейбниц рассматривал нашу страну как «чистую доску» (*tabula rasa*), идеальное поле для проведения просветительских экспериментов.

О том, что многие из этих экспериментов, не учитывая особенности России, были обречены на неудачу, свидетельствует судьба Академического университета. Являясь частью основанной Петром I в 1724 г. Академии наук, он так и не смог стать полноценным учебным заведением. Главной причиной его угасания являлось отсутствие должной социальной почвы, т.е. отклика в обществе, необходимого для развития высшего образования (за сорок лет в нем обучалось лишь несколько десятков студентов). Поэтому Академический университет нельзя рассматривать как начало системы российских университетов, а его существование относится лишь к предыстории этой системы, охватывая далеко не всю эту предысторию, о чем еще будет сказано ниже.

Упоминание об организации в 1755 г. Московского университета в рассматриваемых статьях также изобилует ошибками. Так, иначе как вопиющей небрежностью не назовешь постоянно приписываемый одному из основателей университета Ивану Ивановичу Шувалову титул графа, получить который (как и многие другие милости и подарки императрицы Елизаветы Петровны) он в действительности принципиально отказался.

Более существенным искажением исторической действительности служит следующая фраза: «Ломоносов, будучи ректором Петровского академического университета, разработал с учетом опыта своего университета учебные программы и устав Московского университета» [6, с. 230–231]. Она призвана создать у читателей впечатление, что Московский университет якобы продолжал эстафету и использовал опыт Петербургского, т.е. Академического.

На самом же деле в период подготовки к открытию Московского университета в 1754 – начале 1755 г. Ломоносов не был ректором Петербургского академического университета (эту должность тогда исполнял С.П. Крашенинников). Единоличное заведование делами этого университета было официально поручено Ломоносову лишь в январе 1760 г. [9, с. 99]. Но даже в этом случае называть М.В. Ломоносова ректором Петербургского университета нельзя без специальных оговорок. Во-первых, он занимал должность не ректора, а советника академической канцелярии. Во-вторых, сам же Ломоносов постоянно упрекал начальство Академии наук в том, что здесь «не было ни подобия университетского по примеру других государств», в том числе «ни ректора, по обычаю выборного повсягдно», а потому «Санкт-Петербургский университет и имени в Европе не имеет» [10, с. 41]. Предусмотренная же по штату в этом университете для заведования студенческими делами должность ректора была полностью подчинена президенту Академии наук и не имела того смысла и полномочий, которыми ректор обладал в других университетах.

«Успех русских университетов был запрограммирован Петром и Ломоносовым, которые в свое время свернули с проторенных веками путей», – считают авторы [7, с. 57]. На самом же деле Ломоносов, как видно из процитированного отрывка, а также из других его текстов, последовательно стремился воплотить в России полноценный европейский университет. Обсуждая идею основать Московский университет, он пи-

сал И.И. Шувалову летом 1754 г. о намерении учредить его «по примеру иностранных», следуя советам тех, которые эти «университеты не токмо видали, но и в них несколько лет обучались, так что их учреждения, узаконения, обряды и обыкновения в уме их ясно и живо, как на картине, представляются» [10, с. 508]. И в целом ему это удалось. Составленный Ломоносовым и Шуваловым и утвержденный императрицей Елизаветой Петровной Проект Московского университета (1755) основывался на европейских традициях, что обеспечило ему, в отличие от Академического, долговременное существование. Исключение составило лишь отсутствие в Москве богословского факультета, обязательного в европейских университетах, что, однако, не являлось «инициативой» Ломоносова, а было заложено с учреждением в России Святейшего Синода, в подчинении которого сосредоточивалось все богословское образование.

Искажая мысли и роль Ломоносова при основании Московского университета, авторы пытаются представить его сторонником государственной регламентации преподавания, поскольку он якобы разработал для Московского университета набор обязательных программ. Характерны их следующие высказывания: «Ломоносов, создавая устав Московского университета, наметил нечто вроде образовательного стандарта, ограничив академическую свободу разумным минимумом знаний» [7, с. 60]. «Существовавшая веками практика подготовки научно-технической элиты западного общества методом проб и ошибок через удовлетворение личных потребностей и тяги людей к знаниям с помощью стихийных регуляторов рынка уступила место образовательным стандартам в виде разработанных Ломоносовым на уровне передовой науки учебных планов Московского университета» [6, с. 225].

Эти фразы также содержат набор ошибочных утверждений. Так, категория рыночных отношений почему-то перенесена далеко в прошлое, к социально-экономической жизни Европы XVIII в. Но главное, М.В. Ломоносов не создавал никаких учебных

планов Московского университета – им был написан лишь «Регламент московских гимназий», относящийся к средним школам, подчиненным университетскому управлению [11]. Собственно же определение учебных планов для студентов являлось, согласно §7 ломоносовского Проекта, прерогативой Конференции (т.е. Ученого Совета) университета, куда входили его профессора.

Важной вехой в развитии «русской модели» университетов в концепции авторов явилось царствование Екатерины II. «Екатерина разработала проект национальной образовательной системы, увенчанной университетами, сделав новый шаг в утверждении русской модели, основанной на реализации русской национальной идеи», – полагают они. Однако, как известно, в основе проекта организации российских университетов, разработанного Комиссией об учреждении народных училищ при Екатерине II, лежал переведенный на русский язык текст, принадлежавший перу австрийского профессора Й. Зонненфельса и описывавший устройство Венского университета. Об этом можно узнать из трудов С.В. Рождественского, которые, судя по всему, знакомы авторам [12, с. 655].

Подробно останавливаются авторы в своем «новом прочтении» на деятельности министра народного просвещения С.С. Уварова (1833–1849). По их мнению, главной его заслугой явилось то, что он в полной мере реализовал «русскую национальную идею» в университетах, утвердив их на основах «православия, самодержавия и народности». Стоит отметить, что столь однозначное отождествление взглядов и деятельности Уварова со сформулированной им триадой проводилось в XIX в. А.Н. Пыпиным и другими представителями «либеральной историографии», которую сами авторы оценивают негативно. Современная же наука смотрит на проблему более глубоко и видит в С.С. Уварове государственного деятеля, который опирался на идеалы европейской общественной мысли и стремился ввести в российских университетах достижения европейской науки, но в

то же время использовал свою триаду для доказательства благонадежности высшей школы (и вообще собственного ведомства) перед лицом императора Николая I [13].

Значительные усилия министра были направлены на то, чтобы создать в университетах новое поколение образованных на современном европейском уровне молодых профессоров. Для этого, например, им введены были должности «доцентов без кафедр» (приват-доцентов), о чем авторы упоминают как о признаке «русской модели» [6, с. 219], забывая сказать, что приват-доцентура впервые появилась в немецких университетах, где широко практиковалась уже в XVIII в., а особого расцвета достигла в Берлинском университете с 1810-х гг. В Российской империи же она впервые появилась в наиболее тесно связанном с Германией Дерптском университете в 1820 г., а уже оттуда была перенесена и на остальную Россию.

Основным способом подготовки молодых профессоров для России С.С. Уваров считал их образование в лучших европейских университетах, прежде всего – в Берлинском. Именно туда за период его министерства было отправлено свыше сотни молодых ученых, получивших затем профессорские должности в России. Как подчеркивает Ф.А. Петров, это полностью опровергает мнение о какой-либо «закрытости от Запада» университетского образования в эпоху Уварова [14]. Напротив, в своем знаменитом докладе императору Николаю I, подводя итоги десятилетнего пребывания на посту министра, он писал: «Ученые путешествия сих молодых людей служат непрерывной и живой связью между образованностью отечественной и развитием наук в Европе и постоянно поддерживают русское ученое сословие и русские университеты на высоте знаний народов, опередивших нас некогда на стезе образования» [15]. Приведенные факты, будучи хорошо известными историкам, отсутствуют в статьях авторов «нового прочтения», поскольку противоречат их концепции.

Наконец, в ключевом тезисе своих ра-

бот – противопоставлении черт русских и западных университетов – авторы демонстрируют по существу неверные представления о развитии университетов в Европе. По их мнению, главным конституирующим признаком «русской модели образования» является наличие «государства-демиурга» и «обусловленное им решающее значение целенаправленной образовательной политики». Если на Западе университеты были «частными образовательными предприятиями», где обучали «методам научного исследования», то «в России они создавались по инициативе государства и за казенный счет, именовались императорскими и служили практическим целям подготовки высококвалифицированных специалистов для государственной службы» [16, с. 48].

В действительности, называть европейские университеты «частными предприятиями» весьма некорректно. Обязательным условием возникновения университета в Европе вплоть до XIX в. являлось участие в этом процессе высшей государственной власти (в лице императора или короля), церкви, а также местных властей (в лице герцога или городской коммуны). Без привилегий, утвержденных Папой Римским и императором Священной Римской империи, открытие университета в Средние века было невозможно. Именно эти дарованные государством и церковью привилегии формировали статус университета в обществе, конкретные права его членов [17]. В противоположность этому авторы «нового прочтения» называют привилегии исключительной особенностью «университетской автономии по-русски» [16, с. 51].

С XVI в. в некоторых странах Европы, в частности в Германии, влияние государства на университеты возрастало, что являлось следствием приспособления средневековых ученых корпораций к условиям раннего Нового времени. Так, открытый в 1737 г. и быстро получивший славу образцового в Германии Гёттингенский университет целиком финансировался за казенный счет. Апогея этот процесс достиг в начале XIX в., когда большинство немецких университе-

тов перешло на государственное финансирование и было передано в ведение соответствующих правительственных органов. Лучший среди этих университетов – Берлинский – находился в непосредственном подчинении прусскому министерству образования, которое напрямую назначало профессоров и выплачивало им жалование [18]. Таким образом, противопоставление западного университета как «частного» и русского как «государственного» оказывается ложным.

Игнорируя все вышесказанное о немецких университетах, авторы пишут: «Из великих университетских держав лишь во Франции вузы были государственными. Однако во время Великой Французской революции университеты как «центры контрреволюции и оплоты реставрации Бурбонов» закрыли. Лишь спустя столетие, в конце XIX в., старейшая в мире университетская традиция была возрождена. Россия же, несколько позже других стран Европы ступившая на путь университетского строительства, оказалась первопроходцем в этой области» [19]. Но исторические факты свидетельствуют ровно об обратном. Во Франции накануне революции вмешательство государства в дела университетов было минимальным, а сами корпорации не могли поддерживать себя на должном научном уровне и были закрыты, поэтому вместо университетов Наполеон на рубеже XVIII–XIX в. создал во Франции новую систему государственных высших школ, иерархически подконтрольную и подотчетную правительству [20].

Эта система оказала свое влияние и на выработку законодательства о российских университетах в начале XIX в., и на первый Устав российских университетов 1804 г. В новой французской системе, как и в системе народного образования, принятой в конце XVIII в. в Речи Посполитой, существовали учебные округа, идея которых отсюда перешла в Россию. Тем не менее в «новом прочтении» эти учебные округа объявлены исключительно русской особенностью.

Такой же исключительной характерис-

тикой «русской модели» авторы считают «своеобразную атмосферу коллективизма и особого равенства, неизвестную западным университетам», а также «особую студенческую общность» [6, с. 221] и даже полагают, что «для коллегиальных органов университетов учитывался опыт Земских соборов» [16, с. 53]. Однако реальные истоки этой коллегиальной практики лежали гораздо ближе по времени к созданию системы российских университетов в начале XIX в.: они возникли из перенесения в Устав 1804 г. прав и традиций автономных университетских корпораций Европы [21]. Что касается «студенческой общности», то она вполне свойственна западным, в частности немецким, университетам, памятуя о том распространении студенческих корпоративных организаций (зачастую сохранившихся до сего дня), которые в XIX в. являлись одними из главных носителей национальной идеи и создали почву для объединения Германии.

Чтобы лучше объяснить действительное место, которое русские университеты занимают в общей истории университетов в Европе, попробую кратко сформулировать научные позиции по нескольким важным вопросам.

Как возникли университеты в России?

Это произошло в ходе общеевропейского процесса распространения университетов как образовательных институтов, который в последней трети XVI в. под влиянием событий Реформации и Контрреформации активизировался в Восточной Европе, в частности, затронув православные земли Речи Посполитой. На рубеже XVI–XVII в. здесь возникли первые православные высшие школы (Острожская, Львовская школа Успенского братства), которые боролись за обретение подтверждаемого государством статуса университета, что в итоге удалось сделать Киевской академии, основанной митрополитом Петром Могилой. Формы университета были переняты от других университетов Восточной Европы, подавляющее большинство которых в тот период были иезуитскими и соответствовали

средневековому типу автономной корпорации. По содержанию же учебы они полностью отвечали задачам отстаивания и распространения православной веры.

На основе опыта Киевской академии Симеоном Полоцким был составлен проект «Привилегии Московской академии», поднесенный в 1682 г. на подпись царю Федору Алексеевичу. К сожалению, ранняя смерть царя помешала осуществлению данного проекта, но в 1685 г. в Москве открылась школа братьев Лихудов – греческих монахов, прошедших обучение в Падуанском университете в Италии. Она послужила началом будущей Славяно-греко-латинской академии, в организации которой принимали участие как Православная Церковь, так и государство. Уже в начале XVIII в. академия обладала чертами университета в его европейском понимании и рядом автономных прав, обучала широкий круг студентов из разных сословий, хотя и не вела преподавание по полному кругу университетских наук. Однако после духовной реформы Петра I значение Московской академии изменилось, и она постепенно превратилась в узкосословную школу для образования духовенства. В этом проявилась характерная черта петровской эпохи – тенденция к профессионализации образования и его замыканию внутри отдельных сословных групп (цифирные школы для солдатских детей, военные училища для будущих дворян-офицеров и т.д.). Эта тенденция противоречила принципам университетского образования. Поэтому, несмотря на то, что начиная с 1710-х гг. в правительстве регулярно рассматривались проекты развития общего образования в виде учебных академий-университетов, они так и не были реализованы [12, с. 76–80]. На этом фоне Академический университет выступил как один из множества проектов, также не добившийся успеха.

Такова вкратце предыстория университетского образования в России вплоть до открытия первого полноценного университета в Москве. Но и после его появления продолжилось переустройство универси-

тетов, шла разработка правительственных проектов, несколько раз пересматривались университетские Уставы. Поэтому важно ответить на вопрос, *какими идеями и образцами руководствовались университетские реформы в России во второй половине XVIII – XIX в.*?

Краткий ответ прост: преимущественно европейскими, хотя, конечно, учитывался и собственный опыт. Об обращении в реформах Екатерины II к принципам организации системы университетов Австрийской империи уже упоминалось выше. Источниками реформы Александра I, воплотившейся в Уставе 1804 г., явились, помимо прежних проектов екатерининского времени, и традиции немецких средневековых университетов с их корпоративной автономией, и обустройство новых немецких университетов вроде Гёттингенского на полном государственном обеспечении, и, наконец, немаловажным оказалось влияние французской иерархической образовательной системы. На политику же С.С. Уварова, как и на последующие реформы второй половины XIX в., повлиял опыт «классического» немецкого университета, образцом которого выступал Берлинский университет, основанный выдающимся ученым и государственным деятелем Вильгельмом фон Гумбольдтом. Особенно близким к устройству университетов в Пруссии оказался Устав 1884 г.: он вводил назначаемость профессоров через министерство, гонорарную систему оплаты приват-доцентуры, развитую структуру учебно-вспомогательных учреждений, кабинетов и лабораторий, увеличение роли семинарских занятий и другие черты, сходные с Берлином [22].

В чем же тогда причина возникновения особенностей системы университетов Российской империи? – В сочетании ряда факторов, каждый из которых зародился в свою историческую эпоху, был обусловлен временем своего появления, однако оказывал длительное «последствие». Прежде всего, это установление в России связи между университетским дипломом и чином по служебной Табели о рангах. Ког-

да оно вводилось в эпоху Александра I, то рассматривалось в качестве необходимого условия для привлечения дворянства в университеты, иначе дворяне предпочли бы пребыванию в университете службу в полку или присутственном месте, за которую начисляются чины. Вплоть до середины XIX в. эту меру можно считать полезной: она позволяла талантливым университетским выпускникам принять быстрый старт служебной карьеры. Однако с увеличением количества студентов связь диплома и чина начинала играть против университетов: большинство студентов стремились туда лишь за получением заветного «12-го класса», а из всех факультетов они выбирали такой, учебная программа которого требовала наименьших усилий (в конце XIX в. им был юридический факультет). С присвоением чина по выходе из университета связано и появление с 1819 г. выпускных, а затем и курсовых экзаменов, что привело к формированию «курсовой системы» с набором обязательных к слушанию в течение года лекций – в противоположность «свободе преподавания», существовавшей, например, в Берлинском университете, где студенты сами выбирали себе курсы (впрочем, в первой половине XIX в. система, аналогичная курсовой, существовала еще и в Австрии, и в Баварии, и только впоследствии исчезла там под влиянием «классического» университета).

Другой важной особенностью российских университетов в XIX в. была их внутренняя корпоративная автономия – решение об этом, как упоминалось, принял император Александр I, следуя обычаям средневековых университетов [23]. Такая автономия подразумевала самоуправление, самовосполнение (выбор новых преподавателей путем голосования), право самостоятельно распоряжаться поступавшим от государства финансированием и даже собственный суд для членов университета. Естественно, в дальнейшем правительство захотело расширить свои возможности влиять на дела университетов и пошло на ограничение автономии (что особенно сильно

выразилось в Уставе 1884 г.), но столкнулось с корпоративным самосознанием профессоров, сформированным в духе отстаивания «ученой республики». Борьба за автономию в университетах длилась до начала XX в. и являлась базой для развития либерального движения в России.

И все же в целом, несмотря на указанные особенности и колебания государственной политики, развитие российских университетов в XIX – начале XX в. происходило в сторону их сближения с обликом «классического», или «гумбольдтовского», университета. Усиливалась интеграция российской университетской науки в европейскую, начало чему положил еще Уваров. Главный принцип В. фон Гумбольдта – соединение преподавания и научного поиска, создание *исследовательского университета* (Forschungsuniversität) – находил свое превосходное воплощение в деятельности отечественных профессоров, сформировавшихся на рубеже XIX–XX в. научные школы в различных отраслях знаний. И даже окончательная трактовка автономии российских университетов, данная в 1908 г., как правильно указывают В.И. Колесников, Ю.Г. Круглов и Е.В. Олесеюк, «в смысле выборности управляющих и педагогических функций, но с безусловным сохранением подчиненности правительственному руководству», являлась тем самым именно автономией науки и образования в смысле В. фон Гумбольдта, свойственной большинству европейских университетов того времени (хотя авторы указанной статьи называют ее именно «пониманием автономии по-русски» [16, с. 52]).

При этом нельзя забывать и о главной неудаче. В отличие от Германии, в России правительству не удалось сделать университеты опорой своей политики, поддерживая прочный «союз между наукой и властью». Произошло это потому, что при выборе профессоров министерство так и не смогло последовательно руководствоваться принципом научной эффективности, а следовало иным, вненаучным критериям (лояльность, послушность властям). В ре-

зультате некоторые видные университетские ученые уже в конце XIX – начале XX в. были вынуждены эмигрировать. В результате накануне Первой мировой войны российские университеты вновь стояли перед необходимостью реформирования: назначенный П.А. Столыпиным министр народного просвещения Л.А. Кассо даже предлагал в короткие сроки произвести полную смену кадров высшей школы, подготовив по примеру Уварова новое молодое поколение профессоров за границей, в лучших западноевропейских университетах.

Большевики по-своему разрубили этот «гордиев узел», взяв курс на разрушение дореволюционных университетов. К концу 1920-х гг. должна была завершиться их полная ликвидация как «пережитков старого строя» (подобно тому, как это проделала Французская революция). Тем не менее в начале 1930-х гг. некоторые из них были восстановлены, хотя следствием прежних деструктивных процессов явилось разделение в СССР науки и преподавания. Лишь после середины 1950-х гг., и то только в выдающихся советских вузах, таких как МГУ им. М.В. Ломоносова, были вновь собраны в одних и тех же подразделениях научные и преподавательские должности. В целом же в масштабах страны на высшие учебные заведения были возложены педагогические задачи, а развитием науки занимались исследовательские институты. Эта особенность во многом сохранилась до сих пор.

Отсюда понятнее актуальность задач нынешней реформы системы высшего образования в Российской Федерации. В необходимости, неизбежности и неотложности такой реформы заключен главный смысл всех высказываний на эту тему руководителей нашей страны.

Во время пребывания В.В. Путина на посту президента он неоднократно подчеркивал задачу ускорить «темпы модернизации системы высшего образования в России». Так, выступая 13 ноября 2007 г. в Красноярске на встрече с преподавателями и студентами Сибирского и Южного федеральных университетов, президент отметил:

«Целью является повышение качества образовательных услуг, качества образования, создание новой инновационной среды. Целью является создание необходимых условий для того, чтобы интегрировать науку, образование и экономику, для того, чтобы создать так называемую синергию из всех этих направлений деятельности. Целью является качественный образовательный продукт, который позволил бы решить главную задачу развития страны, придать нашей экономике инновационный характер». Далее президент подчеркнул, что «вузовская наука и фундаментальная академическая наука на протяжении десятилетий были разделены», что их нужно объединить, «чтобы у нас на основании этой синергии бизнеса, образования и науки возникли новые направления деятельности, возникли новые рабочие места, и чтобы это напрямую влияло на развитие темпов российской экономики и отражалось бы на жизни людей» (www.kremlin.ru/text/appears/2007/11/151040.shtml; www.kremlin.ru/text/appears/2007/11/151051.shtml). Именно такую задачу и решает создание в настоящее время федеральных университетов, а также национальных исследовательских университетов, провозглашенное президентом Д.А. Медведевым 24 июля 2008 г. на совещании в МИФИ по развитию сети научно-образовательных центров в России (www.kremlin.ru/text/appears/2008/07/204655.shtml). Указ о создании первых «национальных исследовательских университетов», совпадающих по своему смыслу и названию с идеалом «гумбольдтовского» университета, был подписан президентом 7 октября 2008 г.

24 мая 2008 г., отвечая на вопросы во время посещения Пекинского университета, президент Медведев подчеркнул, что ценности университетов универсальны для всех стран мира. «Университеты – это такие особые очаги развития человеческой цивилизации. Не важно, где эти университеты расположены: в Китае, в России, в других странах мира, – именно внутри университетской среды возникает наибольшее количество самых разных идей. Универси-

теты всегда были опорными точками развития человеческой цивилизации – и в древности, и сегодня. Думаю, что роль университетов в этом смысле неизменна, она будет сохраняться» (www.kremlin.ru/text/appears/2008/05/201259.shtml). Неоднократно Д.А. Медведев высказывался за углубление международного сотрудничества российских и ведущих зарубежных университетов, за длительные заграничные стажировки наших молодых преподавателей, которые серьезно обогатят свой научный и преподавательский опыт (www.kremlin.ru/text/appears/2008/07/204787.shtml).

Можно, кстати, добавить: и В.В. Путин, выступая 26 апреля 2006 г. на встрече с Федеральным канцлером ФРГ Ангелой Меркель в Томском университете, выделил родство российских и европейских университетов и отметил, что «система высшего образования и науки традиционно всегда была тесно связана с немецкой наукой и с немецкой системой образования» (www.kremlin.ru/appears/2006/04/26/2230_type63377_105069.shtml). А 13 сентября 2007 г. в Белгороде на Совете по реализации приоритетных национальных проектов президент В.В. Путин говорил об отечественной системе в контексте соревнования национальных систем образования, подчеркивая, что ее необходимо совершенствовать, развивать в соответствии с потребностями современного глобального мира. «Соревнование национальных систем образования стало ключевым элементом глобальной конкуренции. И сегодня выигрывает тот, кто быстрее адаптируется к запросам и требованиям динамично меняющегося мира. Мира, в котором постоянно обновляются технологии, где идет ускоренное освоение инноваций и формируются глобальные рынки трудовых ресурсов... Поэтому к модернизации образования – как к стратегической задаче – мы обязаны подойти со всей ответственностью» (www.kremlin.ru/text/appears/2007/09/143864.shtml).

Игнорируя такие высказывания В.В. Путина, авторы цитированных выше статей существенно искажают его позицию по

вопросам образования, которая отнюдь не сводится к стремлению превознести «русскую модель» университетов как нечто уникальное в мире и несопоставимое с другими системами, а, напротив, ставит цель ее модернизировать, вписав в контекст современного мира с его процессами глобализации и конкуренции.

Итак, возвращаясь к итоговой оценке «нового прочтения» истории российских университетов, продемонстрированного авторами указанных статей, приходится констатировать декларативность и необоснованность их общих теоретических положений при огромном количестве конкретных фактических ошибок, что обесценивает научную значимость данных публикаций.

И в заключение – несколько утверждений, казалось бы очевидных, но в свете появления подобных статей требующих повторения.

Никто и никогда не отнимал у России право на национальные особенности – и вообще, и применительно к системе университетов в частности. Свои особенности в этой сфере можно найти у Швеции или Испании, у Японии или США, как, по-видимому, и у каждой нации в мире. Но стремление во что бы то ни стало, вопреки историческим фактам отстоять свою самобытность в противовес так называемому «Западу» отнюдь не всегда влечет за собой возможность представить миру иную, более ценную альтернативу. Напротив, как правило, речь идет о нежелании или даже неосостоятельности конкретных людей перед лицом грядущих изменений. За ним скрывается попытка помешать этим изменениям, отнять у всего общества шанс на модернизацию.

Университеты формируют самосознание граждан. Поэтому главная особенность российских университетов заключена в том и только в том, что они формируют самосознание *российских граждан* – истинных патриотов, горячо любящих Отечество, способных эффективно и динамично реагировать на современные вызовы, которые встают перед нашей страной. Именно к та-

кому выводу приводит нас изучение истории университетов.

Литература

1. *Олесеюк Е.В., Динес В.А.* Очерки по истории и теории отечественной высшей школы. Саратов, 2002; *Олесеюк Е.В., Круглов Ю.Г., Дианова В.Ю., Насонкин В.В., Чистохвалов В.Н.* Российская высшая школа (очерки истории): учеб. пособие. Кн. 1. Истоки и развитие до 1917 г. М., 2005; Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры / Под ред. Е.В. Олесеюка. СПб., 2005.
2. *Гаврилов В.С., Колесников В.И., Олесеюк Е.В., Шулус А.А.* Изучая творческое наследие президента // Высшее образование в России. 2008. №6. С. 155–161.
3. *Олесеюк Е.В., Круглов Ю.Г., Дианова В.Ю., Насонкин В.В., Чистохвалов В.Н.* Российская высшая школа (очерки истории): учеб. пособие. Кн. 1. Истоки и развитие до 1917 г. М., 2005. С. 4–5, 85–87, 125–127.
4. См., например, историографический обзор: *Лаптева Л.П.* История российских университетов XVIII – начала XX века в новейшей отечественной литературе // Российские университеты в XVIII – начале XX века: Сб. статей. Вып. 5. Воронеж, 2000. С. 3–27.
5. *Круглов Ю.Г., Олесеюк Е.В., Шулус А.А.* Университетские уставы XIX века в свете идей национальной образовательной доктрины // Социально-гуманитарные знания. 2003. №1.
6. *Круглов Ю.Г., Олесеюк Е.В.* Граф С. С. Уваров – министр-реформатор и создатель // Социально-гуманитарные знания. 2006. №3.
7. *Динес В.А., Круглов Ю.Г., Олесеюк Е.В., Колесников В.И., Шулус А.А.* Выход найден, или Еще раз о новом прочтении старых текстов // Социально-гуманитарные знания. 2007. №1.
8. *Герье В.И.* Отношения Лейбница к России и Петру Великому. СПб., 1871; *Чучмарев В.* Лейбниц и русская культура. Из истории международных научных и культурных связей. М., 1968; *Winter E.* Deutsch-russische Wissenschaftsbeziehungen im 18.ten Jahrhundert. Berlin, 1981; *Keller M.* Wegbereiter der Aufklärung: Gottfried Wilhelm Leibniz? Wirken für Peter den Großen und sein Reich // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. Bd.1: 9–17. Jahrhundert. München, 1985; *Петрушенко Л.А.* Лейбниц. Его жизнь и судьба. М., 1997.
9. *Кулябко Е.С.* М.В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.; Л., 1962.
10. *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 10. М.; Л., 1957.
11. *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 9. М.; Л., 1955. С. 443–460.
12. *Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII – XIX веках. Т. 1. СПб., 1912.
13. *Зорин А.Л.* Идеология «православия – самодержавия – народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX век) / Отв. ред. Е.А. Рудницкая. М., 1996. С. 105–128.
14. *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Ч. 1. М., 2003. С. 62.
15. Сборник постановлений по министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т. 2. С. 648.
16. *Колесников В.И., Круглов Ю.Г., Олесеюк Е.В.* Формирование системы управления университетами в России // Педагогика. 2003. №2.
17. Подробнее см.: A History of the University in Europe (gen. ed. W. Rüegg). Vol. 1. Universities in the Middle Ages (ed. H. De Ridder-Symoens). Cambridge, 1992. P. 43–106.
18. Устав Берлинского университета (1816). См.: *Lenz M.* Geschichte der königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. Bd.4. Halle, 1910. S. 223–263.
19. *Григорьев Ф.А., Колесников В.И., Круглов Ю.Г., Олесеюк Е.В.* Образовательному кодексу быть! // Педагогика. 2002. №8. С. 107.
20. Histoire des universités en France (ed. J. Verger). Toulouse, 1986. P. 255–269.
21. *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 1. М., 2002. С. 139.
22. Подробнее см.: *Андреев А.Ю.* «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие // Высшее образование в России. 2005. №2. С. 115–118.
23. См.: *Андреев А.Ю.* Император Александр I, профессор Г.Ф. Паррот и возникновение «университетской автономии» в России // Отечественная история. 2006. №6. С. 19–30.